

К IX МЕЖДУНАРОДНОМУ СЪЕЗДУ СЛАВИСТОВ

АВАНЕСОВ Р. И., КАЛНЫНЬ Л. Э.

ОБОБЩАЮЩИЕ КАРТЫ КАК ОСОБЫЙ ТИП КАРТ В ОБЩЕСЛАВЯНСКОМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АТЛАСЕ

Начавшаяся более двадцати лет тому назад и осуществляемая международным коллективом славистов работа над Общеславянским лингвистическим атласом (ОЛА) вступила в стадию картографической интерпретации результатов обследования славянских диалектов по Вопроснику ОЛА [1].

Карты ОЛА будут публиковаться в выпусках, объединенных в две серии — лексико-словообразовательную и фонетико-фонологическую. В дальнейшем к ним присоединятся серии морфологическая (флексии) и синтаксическая. К 1982 г. подготовлены один выпуск первой серии («Животный мир») и два выпуска второй серии («Рефлексы *ǣ»; «Рефлексы *ǣ»).

Показывая диалектную дифференциацию целой языковой семьи, ОЛА имеет свою специфику, отличающую его от диалектологических атласов отдельных языков, на всех этапах работы — от составления Вопросника обследования диалектов до определения тематики отдельных карт. К числу факторов, лежащих в основе этого различия, относятся обстоятельства, сопровождающие выбор объекта картографирования. Картографически интерпретирован может быть лишь такой объект, который удовлетворяет условиям сопоставимости. Наряду с чертами, различающимися в диалектах, этот объект должен иметь черты, повторяющиеся во всех диалектах, т. е. составляющие собственно «основу сравнения». Без такой основы сравнения явления разных диалектов несопоставимы и в рамках диалектного различия они могут быть сопоставлены лишь с нулем (есть такое явление ~ нет такого явления).

Выбор объекта картографирования в ОЛА сопряжен с особыми сложностями, что, в частности, отчетливо выявилось при работе над картами фонетико-фонологической серии. Эти карты должны показать, как дифференцированы в славянских диалектах рефлексы гипотетически реконструированных для каждого из них фонем позднеславянского периода. Рефлекс праславянской фонемы, выступая в конкретной морфеме, связан в то же время с конкретной фонетической позицией. В национальных атласах объектом картографирования, как правило, и являются рефлексы в определенной позиции. Присутствие этой позиции в сопоставляемых диалектах служит той основой сравнения, на фоне которой может быть показано различие в рефлексации праславянского элемента (ср. в диалектологических атласах белорусского и русского языков карты на *ǣ перед мягкими согласными, после *ц*, в первом предупредном слове и т. д. [2, 3]).

Многообразие путей развития каждой праславянской фонемы в совокупности славянских диалектов сопровождается такой дробностью позиционных условий употребления отдельных рефлексов и таким принципиальным различием в характере позиций, что выделить основу сравнения на уровне позиции, повторяющейся во всех диалектах, в ОЛА невозможно. С одной стороны, позиция может не повторяться во всех диалектах (например, позиция между мягкими согласными в русских диалектах может соответствовать позиции между твердыми согласными в сербскохорватских диалектах; позиция в первом предупредном слове отсутствует

¹ О предшествующих стадиях работы над ОЛА см. [1].

в чешских диалектах), а с другой, позиция, повторяющаяся во всех диалектах, может быть релевантной для рефлексов праславянской фонемы лишь в одном языке и заведомо будет выделять этот язык среди прочих (такова для *ě позиция перед переднеязычными согласными в польских диалектах). В этих условиях оптимальным решением проблемы было приращение статуса основы сравнения общности морфемы, в которой выступает картографируемый рефлекс.

Первые два фонетико-фонологических выпуска ОЛА содержат карты, отражающие развитие *ě, *ę в конкретных словоформах в том виде, как это представлено в современных диалектах. Такие карты (так называемые монографии отдельных словоформ [4]) показывают синхронную дифференциацию славянского континуума в зависимости от звукового облика отдельных словоформ.

Однако ОЛА не может ограничиться столь атомарной характеристикой славянского диалектного ландшафта, т. к. это явно бы противоречило требованиям современной лингвистической науки интерпретировать языковые факты в системном контексте. Рефлексы праславянских фонем должны быть показаны не только как составляющие конкретных морфем, но и как компоненты системы в их позиционных связях с фонетическим контекстом и с суперсегментными явлениями. Информации такого рода должны представить обобщающие (или синтетические) карты.

Логика движения от более простого к более сложному предполагает, что на основе информации, извлеченной из карт на конкретные словоформы, обобщающая карта должна была бы показать дифференциацию на уровне фрагмента системы, в рамках которого прослеживается элемент, являющийся продолжением определенной праславянской фонемы. Однако опыт составления карт на рефлексы *ě показал, что при переходе от карт на конкретные словоформы к картам обобщающим возникает ряд проблем.

ОЛА оперирует двумя хронологическими уровнями — факты, относящиеся к этим уровням, могут быть сопоставлены по всей территории, покрываемой ОЛА. Это — гипотетически реконструируемая система позднепраславянского языка и системы диалектов периода 60—70-х годов XX в. (см. список обследованных населенных пунктов, опубликованный в [5]; пункты 59, 62, 63 повторно были обследованы в 1980 г., о чем сообщено в [6]). На картах отдельных словоформ отражены оба этих уровня — праславянская фонема соотносится с ее современным рефлексом. Для обобщающей карты чаще всего недостаточно ориентации только на эти два уровня. Может оказаться, что современные факты, являясь результатом разнообразных перекрестных изменений с участием рефлекса исследуемой праславянской фонемы, сформировались уже после того, как линия развития этой фонемы как специфического праславянского явления прервалась. Из таких фактов нельзя извлечь искомой информации о судьбе праславянской фонемы. Поэтому для того чтобы показать изменение праславянской фонемы в его системных связях, необходимо обращаться к периодам, находящимся между позднепраславянским и современным состоянием, не принимая при этом во внимание факты, которые не являются продолжением собственно праславянской фонемы, а возникли в результате более поздних совпадений.

В связи с этим в применении к обобщающим картам встает проблема реконструкции более ранних состояний диалекта, ее аргументации, сопоставимости реконструированных данных друг с другом и с фактами современных диалектов. Покажем это на примере обобщающих карт в первом фонетико-фонологическом выпуске ОЛА.

Изменение праславянских гласных фонем в славянских диалектах может различаться в зависимости от отношения к ударению, от вокального количества гласного, от качества согласных, примыкающих к гласному. В соответствии с этим в выпуске «Рефлексы *ě», кроме 65 карт на отдельные словоформы, имеются четыре обобщающие карты: I. «Фонетические рефлексы *ě в современных славянских диалектах» (авторы А. Басара, З. Тополянська, Г. Здуньска); II. «Влияние вокального количества на рефлексы *ě» (авторы П. Ивич, Т. Логар); III. «Отношение рефлексации

*ѣ к ударению» (авторы Л. Калынь, Т. Вендина); IV. «Фонема *ѣ в отношении к другим фонемам праславянского вокализма» (авторы Б. Видоески, З. Тополинська). Остановимся на каждой из этих карт.

К а р т а I по своей задаче в наибольшей степени близка к картам на отдельные словоформы. Тем не менее и здесь показания последних должны были быть подвергнуты отбору. Карта фиксирует такие рефлексy, которые в наименьшей степени позиционно обусловлены и могут считаться непосредственным продолжением *ѣ (хотя в этом же рефлексе могут совпасть с *ѣ и другие праславянские фонемы). Эти позиции неодинаковы в разных диалектах. Так, в словенских фиксируются рефлексy *ѣ под интонацией старого и нового циркумфлекса и под новым акутом; в сербскохорватских не картографируются рефлексy *ѣ краткого и долгого в соседстве с сонорными *г, л, ј*; в болгарских картографируется позиция преимущественно перед твердым согласным, а в русских — только перед твердым; в польских фиксируются рефлексy только *ѣ (не *ѣ:) перед всеми согласными кроме носовых; в серболужицких — в любой позиции; в чешских, словацких исключенные позиционные варианты рефлексов *ѣ перечислены списком; в белорусских рефлекс *ѣ картографируется перед любым согласным; в украинских — после переднеязычных зубных. Картографированные позиции неодинаковы и относительно ударения. В восточнославянских диалектах, а также в болгарских — это позиций только под ударением, в остальных диалектах независимо от ударения.

Хотя карта I близка к синхронным картам на конкретные словоформы, поскольку она оперирует фактами современных диалектов, тем не менее и на эту карту внесена информация, полученная путем реконструкции более раннего состояния славянских диалектов. Карта не только фиксирует качество рефлексов *ѣ, но и показывает направление передвижения артикуляции *ѣ по вертикальной оси (линия *і — е — а*), приведшее к названным рефлексам. В соответствии с этим, если в диалекте зафиксировано несколько рефлексов *ѣ, то они картографически дифференцируются в зависимости от близости к исходному качеству *ѣ.

С этой целью современные рефлексy сопоставляются с предполагаемым исходным качеством *ѣ. Сведения об этом качестве не могут быть почерпнуты из картотеки ОЛД (т. е. из ответов на Вопросник ОЛД), а лишь из исследований по истории отдельных славянских языков. При этом авторам приходится выбирать из имеющихся разных точек зрения относительно качества *ѣ, и этот выбор определяет концепцию соответствующих разделов карты (так, принимая гипотезу З. Штибера [7] о качестве праславянского *ѣ, авторы карты констатируют в польских диалектах изменение *ѣ по линии расширения *е* в *а*; но если придерживаться другого мнения, согласно которому *ѣ артикулировался как гласный типа *а* [8, 9], то польское развитие *ѣ можно интерпретировать как сужение первоначальной артикуляции этого гласного).

К а р т а II показывает дифференциацию диалектов в зависимости от влияния вокального количества на рефлексy *ѣ. Следы такого влияния представлены в словенских, сербскохорватских, чешских, словацких, польских диалектах — соответственно и картографируется лишь эта часть территории ОЛД. Карта информирует о рефлексам долгого и краткого *ѣ с точки зрения их сравнительной закрытости. Фиксируя внимание на качестве гласных, продолжающих *ѣ и *е: , карта не сообщает о наличии/отсутствии оппозиции по вокальному количеству в современных диалектах. Карта ориентирована на показ первого этапа рефлексации *ѣ, не перекрытого последующими изменениями. В соответствии с этим в необходимых случаях картографированию не подвергаются современные факты и на карту наносится информация о рефлексам, реконструируемых для более раннего состояния соответствующих диалектов.

К а р т а III показывает отношение рефлексации *ѣ к ударению, определяемое сравнением качества ударного и безударного рефлексов *ѣ друг с другом.

В современных диалектах информация об отношении рефлексации *ѣ к ударению представлена в тех диалектах, где замена *ѣ не совпала ни

с одним из рефлексов других праславянских гласных. Несовпадение это в одних диалектах фиксируется независимо от ударения, в других — только под ударением, а без ударения **ě* совпал в одном рефлексе с другими праславянскими гласными. Первый из этих фактов синхронно свидетельствует о недифференцированном отношении рефлексов **ě* к ударению, второй — о дифференцированном. Совпадение рефлекса **ě* с рефлексами одних и тех же праславянских гласных под ударением и без ударения также можно отнести к свидетельствам недифференцированного отношения рефлексации **ě* к ударению. Но полностью скрыто первоначальное отношение изменения **ě* к ударению в тех диалектах, где начальный рефлекс **ě* перекрыт позднейшими фонетическими изменениями, дифференцированными относительно ударения (такова ситуация при русском и белорусском *яканье*, при русском *иканье*). Для того чтобы судить об отношении рефлексации **ě* к ударению в таких диалектах, авторы обращаются к реконструкции более ранних состояний диалектов, не картографируя факты современных диалектов.

Карта IV дает фонологическую интерпретацию рефлексов **ě*, **ě̇*, показывая, совпали они с рефлексами других праславянских фонем или же отличаются от них и тем самым «сохраняют фонологическую индивидуальность». Карта имеет два варианта: первый демонстрирует рефлексы **ě*, второй — рефлексы **ě̇*: в тех случаях, когда они отличаются от рефлексов краткого **ě*.

Задача карты потребовала от авторов довольно широкого выхода за пределы той информации, которую дают карты на конкретные словоформы. Фонологическая судьба **ě* прослеживается на этапах, предшествующих дальнейшим изменениям, относящимся не собственно к **ě*, а к тем единицам, которые заменили **ě*. Это потребовало для части диалектов реконструкции более ранних состояний системы вокализма, т. к. современных данных недостаточно для аргументации фонологической судьбы **ě*.

Исследование фонологического статуса рефлексов **ě* (современных или реконструированных) предполагает сопоставление с рефлексами других праславянских гласных, а именно **e*, **i*, **ė*, **v*, **a* и отчасти **o*. Кроме того, фиксируется палатализирующее воздействие рефлексов **ě* на согласные, когда это отличает их от рефлексов всех других праславянских гласных. Источники этих сведений находятся за пределами картотеки ОЛА, посвященной судьбе **ě*, требуя обращения к работам по истории и диалектологии отдельных языков.

Различны позиции, в которых на карте прослеживается фонология **ě*. В восточнославянских диалектах — это только позиция под ударением; в серболужицких — первый ударный слог перед непалатальными и непалатализованными согласными; в украинских диалектах учитывается различие позиций в закрытом и открытом слогах; на сербскохорватской и чешской территории элиминируются некоторые позиции, в которых представлен нетипичный рефлекс **ě*.

Анализ обобщающих (снотетических) карт показывает, что они в ОЛА занимают особое место. Языковая основа атласа — это факты современных славянских диалектов, извлеченные в результате обследования по Вопроснику ОЛА. Карты на конкретные словоформы по своему назначению укладываются в такой корпус материала — они строго синхронны (или монохронны), отражая лишь то, что реально засвидетельствовано в современных диалектах. Каждый знак на такой карте подтвержден материалом из картотеки ОЛА.

Обобщающая карта показывает такие состояния диалектных систем, которые не во всех диалектах могут быть аргументированы современными данными. Поэтому часть современных фактов не картографируется, а на карту наносятся данные реконструкции более ранних состояний диалектов. Это означает, что не все решения, принимаемые на обобщающей карте, документируются картотекой ОЛА, а тем самым и картами на конкретные словоформы (например, при составлении карты I авторы ссылаются на такие работы, как [7, 10, 11]).

Внесение на обобщающую карту данных реконструкции может при-

вести, к тому, что на одной плоскости окажутся явления, относящиеся к разным хронологическим срезам. Так, устанавливаемая на карте одинаковая рефлексация *ѣ под ударением и без ударения в польских диалектах относится ко времени до начала процесса изменения старопольских долгих гласных, поскольку эти изменения захватывали *a*: и *e*: любого происхождения, а не только из *ѣ, и таким образом перекрывали результаты первоначальной рефлексации *ѣ (нередко набор зафиксированных картотекой безударных континуантов *ѣ короче того, который представлен под ударением; не исключено, что этот факт отражает специфику картотеки ОЛА и обусловлен малым количеством примеров на *ѣ в безударном слоге, особенно перед переднеязычными согласными). Польское изменение *ѣ > *a*, *e* относится ко времени до падения редуцированных.

Во многих украинских диалектах ударение также не влияет на качество рефлексов *ѣ, но первоначальное фонетическое изменение *ѣ относится ко времени после падения слабых редуцированных (до совпадения сильных редуцированных с *e*, *o*). В русских диалектах *ѣ, как гласный, отличный от всех прочих, был утрачен или только в безударных слогах или независимо от ударения. При этом безударный *ѣ утрачивал свою специфику сначала в позиции без ударения, а затем и под ударением. Происходило это после падения слабого и перехода сильного *ѣ в *e*, после изменения *e* > *o* под ударением.

К разным хронологическим срезам могут относиться и факты фонологии *ѣ. Ср. совмещение на одной карте таких явлений, как совпадение *ѣ, с *e*, *a* в польских, происшедшее до падения редуцированных, и сохранение фонологической индивидуальности рефлексов *ѣ в современных украинских и русских диалектах.

Совмещение на обобщающей карте данных, относящихся к разным хронологическим срезам, делает карту *п о л и х р о н н о й* (о полихронии в диалектологическом исследовании говорил Р. И. Аванесов в своем докладе на V Международном съезде славистов [12]). Эта полихрония эксплицируется при сопоставлении синхронных карт на конкретные словоформы с обобщающими картами. Обнаруживающееся при этом различие в документированности карт может быть интерпретировано как показатель расстояния между разными хронологическими уровнями в развитии диалекта.

Как было сказано, обобщающие карты отличаются от карт на отдельные словоформы выбором объекта сопоставления. На конкретных картах — это морфема, содержащая праславянскую фонему, а на обобщающих картах — это позиция, в которой выступает рефлекс праславянской фонемы. Однако уровень определения позиции при этом может быть разным. С одной стороны, это конкретный фонетический контекст, учет которого необходим для выяснения закономерностей рефлексации праславянского гласного или в сравнении с другими праславянскими гласными (такова открытость/закрытость слога в украинских диалектах), или безотносительно к другим праславянским гласным (позиции перед переднеязычными и перед другими согласными в польских). С другой стороны, на карту выносятся позиции в значениях фонологической категории. Это имеет место тогда, когда картографируется наиболее позиционно независимый рефлекс или рефлекс в сильной фонологической позиции (для рефлексов *ѣ такова позиция под ударением в восточнославянских диалектах, позиция перед твердым согласным в русских диалектах).

Позиция как фонетический контекст соотносится лишь с фонетическим качеством рефлексов. Позиция как фонологическая категория соотносится с фонемным статусом рефлексов. Сопоставление на одной карте различных позиций лишает однородности основу этого сопоставления.

Принцип сопоставимости картографируемых явлений не всегда может быть выдержан и в том случае, когда рефлекс картографируются в позициях, одинаково определяемых в современных диалектах. Так, для выяснения отношения рефлексации *ѣ к ударению в принципе оптимальным является сопоставление данных, полученных в результате сравнения ударного слога с одинаковым (по месту относительно ударения) безударным

в каждом диалекте. Но специфика современного ударения в славянских диалектах не позволяет этого сделать. Так, в чешских диалектах, например, отсутствует предударный слог, а в русских именно предударные слоги показательны для судьбы *ě (как и других гласных неверхнего подъема). В этих условиях основной сопоставления на карте становится безударность слога безотносительно к его положению относительно ударения.

Следует также учитывать, что соотнесение рефлексов *ě с ударным/безударным слогом условно адекватно отражает положение, при котором происходило первоначальное изменение *ě. На карте положение рефлекса *ě относительно ударения определяется по современному состоянию диалектов — реконструкция здесь невозможна, т. к. слишком бы усложнила картографическую ситуацию. Но современное расположение слогов относительно ударения в разных диалектах в неодинаковой мере отражает состояние, в контексте которого происходило изменение *ě. В диалектах со свободным подвижным ударением сходство может быть велико. В диалектах с фиксированным ударением вероятность несовпадения места ударения в одной и той же словоформе в современных диалектах, с одной стороны, и на временном срезе, когда происходило первоначальное изменение *ě, — с другой, весьма значительна.

Анализ обобщающих карт первого выпуска фонетико-фонологической серии ОЛА, посвященного рефлексам *ě, позволяет сказать, что материал атласа, отражающий современное состояние славянских диалектов, не в полной мере располагает теми интерпретационными возможностями, которые необходимы для составления обобщающих карт, призванных показывать изменение праславянских фонем в его системных связях. Для этих карт необходимо привлечение данных, находящихся за пределами разделов Вопросника, связанных с исследуемыми праславянскими фонемами, с одной стороны, и за пределами картотеки ОЛА, с другой.

Карты на отдельные словоформы и обобщающие карты настолько различны по своим принципам, что не могут расцениваться как однотипные произведения, различающиеся лишь степенью сложности извлекаемой из них информации. Карты на отдельные словоформы и обобщающие карты различаются: 1) отношением к временной координате (монокрония и полихрония); 2) основой сопоставления картографируемых объектов (тождество конкретной морфемы в одном случае и тождество позиций разного типа — в другом).

В связи с тем, что в обобщающие карты включаются элементы реконструкции более ранних состояний славянских диалектов, к этим картам не могут быть приложены унификационные требования, которые обязательны в отношении карт на конкретные словоформы [13]. В частности, для обобщающей карты может создаваться особая легенда, отличная от той, которая принята в качестве обязательной для соответствующей серии карт на отдельные словоформы. Обобщающая карта — это произведение, отражающее индивидуальную концепцию ее авторов, и в этом также ее отличие от конкретной карты.

В докладе Р. И. Аванесова на VIII Международном съезде славистов было указано на то, что не все из тех проблем, которые могут возникнуть в ходе работы над атласом, были в свое время предусмотрены Вопросником ОЛА, документом, «в значительной мере предопределяющим объем, характер, принципы, на которых основан атлас» [1, с. 13]. В этой связи надо подчеркнуть, что проблема обобщающих карт относится к числу таких, которые вообще не могли быть в полной мере предусмотрены Вопросником ОЛА, поскольку он не мог ставить задачу сбора фактов, реконструируемых для периодов, промежуточных между позднепраславянским и современным состоянием славянских диалектов.

Несмотря на то, что обобщающие карты по характеру своей аргументации выходят отчасти за пределы картотеки ОЛА, они являются логически необходимым компонентом атласа, поскольку устанавливают связь между современным состоянием диалектов и их историей и дают системную интерпретацию тем изменениям, которые претерпели славянские диалекты.

Каждый выпуск ОЛА будет содержать тот максимум сведений о карто-

графируемом сюжете, который предусмотрен современной наукой. Это может быть достигнуто лишь в том случае, если собрание карт на отдельные словоформы будет сопровождаться обобщающими (синтетическими) картами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аванесов Р. И.* Общеславянский лингвистический атлас (1958—1978). Итоги и перспективы.— Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978.
2. *Дыялекталагічны атлас беларускай мовы.* Мінск, 1963.
3. *Диалектологический атлас русского языка* (рукопись находится в Секторе диалектологии и истории русского языка Ин-та русского языка АН СССР).
4. *Керик С., Тополинська З., Видоески Б.* Интерпретация на фонетиска карта со проблемот *ѣ в *gvězda в општословенскиот лингвистички атлас (ОЛА).— Македонски језик, 1977, XXVIII, с. 62.
5. *Общеславянский лингвистический атлас.* Вступительный выпуск. М., 1978, с. 86—229.
6. *Fonološki opisi srpskohrvatskih/hrvatskosrpskih, slovenačkih i makedonskih govora obuhvaćenih opšteslovenskim lingvističkim atlasom.* Sarajevo, 1981, s. 12—13.
7. *Stieber Z.* Jak brzmiało prasłowiańskie jat? — *Prace filologiczne*, 1964, XVIII, cz. 2.
8. *Klemensiewicz Z., Lehr-Splawiński T., Urbańczyk S.* Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 1955, s. 81.
9. *Селищев А. М.* Славянское языкознание. М., 1941, с. 308.
10. *Бірыла М. В.* Рэфлексy агульнаславянскіх о, ъ, ѣ, е, ѝ у беларускіх гаворках.— Працы Ін-та мавазнаўства АН БССР, 1959, вып. VI.
11. *Иванов В. В.* Историческая грамматика русского языка. М., 1964.
12. *Аванесов Р. И.* Описательная диалектология и история языка.— В кн.: Славянское языкознание. V Международный съезд славистов. М., 1963, с. 299.
13. Инструкция к составлению фонетических карт ОЛА, комментариев и индексов к ним.— В кн.: *Общеславянский лингвистический атлас.* Материалы и исследования. 1981. М., 1983.